

Михаил Скопин-Шуйский (3)

Архангельской губернии

В стольнѣм во городи во Киеви,
У ласкова князя у Владимирера,
Заводился пир, право, почесен стол;
Розоставили столики дубовыя,
Настелили тонки новобранны скатерти,
Розоставили питья-ества сахарныя;
Собиралися все они, съезжались,
Да к солнышку батюшку на почесен пир.
Они пьют ле, пируют трои суточки,
Да все на пиру стали пьянѣшеньки,
Да все на чесном стали веселѣшиньки,
Да все на пиру да приросхвастались:
Первой-от ле хвастат золотой казной,
Другой-от ле хвастат чистым серебром,
Юмнот ле хвастат старым ѣтцом,
Старым ле ѣтцом, старой матушкой,
Безумной ле хвастат молодой жоной
И иной удачей молодецкоей,
А да хвастал Скопин да доброй молодец:
«Уж я много, Скопин, да по землям бывал,
Уж я много, Скопин, да городов бирал,
Я не бравши ле города не проежживал,
А Малюту-короля да во полон его взял,
У Малютиных дочерей на грудях лежал,
Опускал я руки ниже до пуповья,
А ищѣ того пониже ведь до чѣрева».
Услыхала тут ведь зла дочка Малютисна,
А эти ей речи да не по разуму,
За великую ей досаду показалосе,
Как выходит на гриню на столовую,
Подходит ѣна' солнышку Владимиру,
Близешинько она,' солнышку подвигается,
Низешинько она солнышку поклоняется,

Тихо-смироно свою речь она выговариват:
«Уж ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
Ты позволь же мне-ка да слово вымолвить,
Ты не будешь ле меня за слово казнить,
Отсылати ле миня в ссылки дальние?»
Говорит ей ведь солнышко Владимир-князь:
«Говори же ты нонь да што те надобно,
Я не буду тебя да за слово казнить,
Отсылать я не стану в ссылки дальние».
Говорит тут Малютисна таково слово:
«Ты позволь же мне отмерять, цару зелена вина,
А поздравить надо нынь да любя кресника».
Говорит ей ведь солнышко Владимир-князь:
«Ты меряй же цару зелена вина».
А брала ёна цашечку серебряну,
А спускалесе во погребы глубокия,
Да намерила она цару зелена вина,
Невелику, немалу полтара ведра,
Ищэ клала коренья, да зелья лютого;
Загорелосе во царе да во серебряной,
Среди-то есь цари да искры сыплютсе;
Выходит на гриню да на столовую,
Выносит ёна цару да зелена вина,
Выносит ёна цару правой рукой,
В левой руке выносит своё цядо милое,
Подходит она ко столикам дубовым,
Подходит' Скопину сыну Михайлову,
Близешинько ёна' ему подвигаетца,
Низешинько сама ему поклоняется:
«Уж ты ой есь, Скопин да сын Михайлов!
Поздравить надо нам любима кресника».
Говорит тут Скопин да сын Михайлович:
«А выпить мне та цари — живому не быть,
А не выпить мне цари — виновату быть».
А глядят ле смотрят все руськи богатыри,
Среди-то есь цари да то пламё мецёт,
По бокам-то есь цари искры сыплютсе;
Он понадеялся на силу на могучую,
На свою ле удачу да богатырскую,

Он пьёт эту цару да за единой дух.
Сидит тут Скопин скоро не по-старому,
Не по-старому Скопин сидит, не по-прежнему,
Повеся он свою доржит буйну голову;
Скакл ле со лавки, с дубовой доски,
Через ти ищэ столики дубовыя,
Он падал на середу кирпичат пол:
Да на то были руськи-те богатыри,
Скочил ищэ стар казак Илья Муромец,
Подхватил он Скопина да за праву руку,
А скочил тут Добрынюшка Никитич: блад,
А Добрыня-то хватил его за леву руку,
Поставили они его на резвы ноги,
Надевали на его его шубу куньюю,
Они клали его право пухов калпак,
Выводили Скопина да вон на юлицу;
Его доброй-от конь стоит обузданной,
Он обузданной конь его, обседланной,
Посадили его да на добра коня,
Отправили его да во своё место,
Поехал Скопин да не по-старому,
Не по-старому едёт, не по-прежнему,
Доежжает до своего висока терема;
Увидала его матушка родимая:
«Да едёт дитя моё не по-старому.
Одва ле он винно на кони сидит».
Металасе она вон на улицу,
Стречала она удала добра молодца,
Сымала его да со добра коня,
Уж стала у его она ведь спрашивать:
«Уж ты ой еси, моё дорого дитя!
Што же ты приехал не по-старому?
Але пир-от тебе бывает непоюму?
Подносчики были бывает невежливы?
А винны-те цары да не доходили?
Але пивны стаканы да не доносили?»
Говорит ей Скопин да таково слово:
«Ой еси, родима моя матушка!
Поди-ко за попами, за причетниками,

Да надо мне скорѣ нынцѣ покаетца».
Да скоро привели попов, причетников,
Да покаялся Скопин сын Михайлович,
Повалили его на лавку на брущатую,
Повалили под иконы под святы его.
Немножко прошло да тут времицька,
Приставилса Скопин сын Михайлович,
Да сделали ему гроб да право вечной дом,
Наверх обтѣнули да хрущатой камкой,
Да хоронили Скопина сына Михайловича,
Погребли, похоронили да добра молодца.
Брала мати книжоцьку волховную,
Посмотрела она книгу волховную,
Надевала на себя да шубу куньюю,
Отправлялась она' солнышку Владимиру,
Доежжает она до солнышка Владимира,
Говорит ёна солнышку Владимиру:
«Уж ты ой еси солнышко Владимир-князь!
Не на пир зовѣшь, да не столовать право,
Зовѣшь да ле ты ноньцѣ всё опаивашь,
Опоил ты у миня да цядо милое,
Как того ле Скопина сына Михайловича».

(Записана Н. Е. Ончуковым в дер. Роцинский Ручей, Устьцылемской волости, от кр. И. В. Торопова в 1902 г. Напечатана в сб. «Печорские былины» 1904 г., стр. 251-254)

В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI-XVII вв., Петроград, 1915.